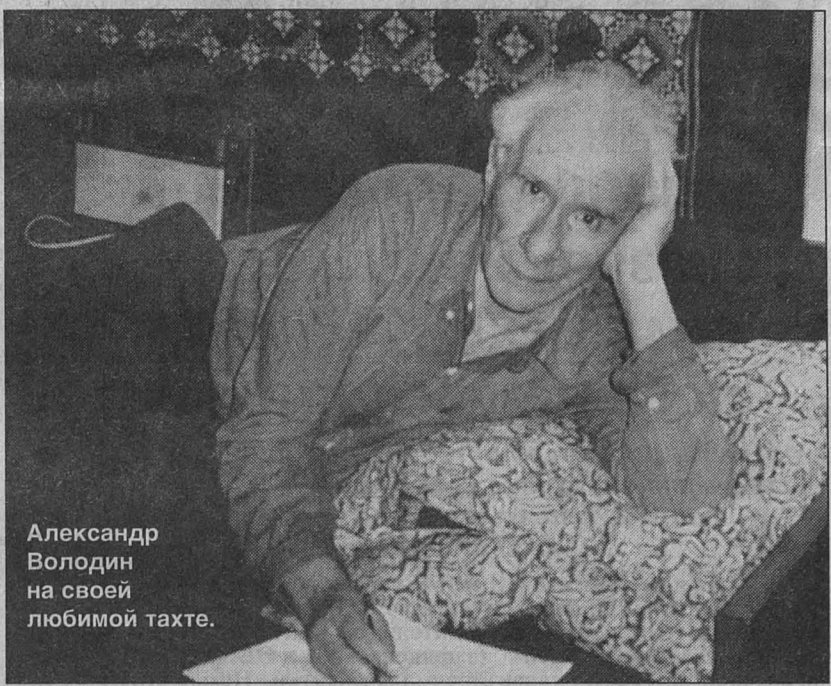


Автор знаменитых фильмов «Звонят, откройте дверь», «Старшая сестра», «Фокусник», «Дочки-матери», «Портрет с дождем», «Осенний марафон», «Пять вечеров», «С любимыми не расставайтесь», «Слезы капали», пьес «Фабричная девчонка», «Назначение», «Кастручка», «Две стрелы» и многих других Александр Володин называет себя «уходящей натурой». Он живет в Санкт-Петербурге довольно одиноко и пишет «Записки нетрезвого человека»



Александр Володин на своей любимой тахте.

Драматург Александр ВОЛОДИН: «Осенний марафон» - обо мне. Я очень жалею женщин...

ВСТРЕЧА ДЛЯ ВАС

- Я с детства мечтал встретить девушку в белом и чтоб она любила Пастернака. И вот еду в троллейбусе. И она едет. А мне через пять дней по повестке.

- На войну?

- Нет, я в армию перед самой войной пошел добровольно, дурак. И она говорит: давайте встретимся. Голос умный и говорит умно. Мальчик за ней ухаживал, высокий, красивый, учился в военном училище - как-то я пошел в МХАТ по контрамарке, а она с этим мальчиком: Боже мой, на кой черт я ей нужен! И вот я уже в машине, в армию, она одна меня провожала, стоит, не плачет и вдруг говорит: видишь, какая у тебя будет бесчувственная... Я не расслышал: что-что? Она: видишь, какая у тебя будет бесчувственная жена. Потом я переписывался с ней - с кем-то же надо, а когда вернулся, получеловеком, как мне казалось, она ждала.

- Девушка, ставшая женой, до сих пор жена?

- Да.

- Вернулся получеловеком... Почему?

- Я был не уверен в себе жутко. Знаешь, после того как меня ранило осколком в легкое, я не мог дышать. И когда меня везли в госпиталь, я подумал: если б мне дали прожить только год, я бы знал, что значит одна секунда жизни, я, Бог знает, что сделал бы! Но вернулся и про все эти планы забыл. И как-то ко мне приходит друг по фронту, а мы договорились, что, как придет кто-нибудь из наших, тут же по граненому стакану выпиваем и тогда начинается разговор. Я ему смехом про это рассказал, а наутро проснулся, опохмелился и подумал: чего же смешного здесь, надо что-то делать... попробую напишу пьесу. Но как? Спросил у кого-то из знакомых: сколько страниц должно быть в действии? Мне отвечают: 19. А сколько действий? Четыре. За четвертое дополнительно платят. Я написал. Назвал «Ложь». Как все пронизывает снизу доверху ложь. Название показало мне претенциозным - потом стало «Фабричная девчонка». Перечел: Боже мой, как глупо... Дал Вадиму Соколову как другу, он работал в «Комсомолке». Звонит: Саша, у нас вся «Комсомолка» читает... Поставили. Появились статьи: «Злобный лай из подворотни», «Что у них за душой?» Меня топчут, топчут, топчут... Министр культуры Фурцева сказала на большом собрании: этот автор вбивает клин между народом и правительством. Я написал вторую пьесу, думаю: черт с вами, больше никакой политики, ничего социального...

- «Пять вечеров»?

- Да. Товстоногов два раза присылал своего заплита Дину Шварц, и два раза я ее отправлял: полу-

чило плохо, мне самому стыдно. Дина пришла и сказала: если я не принесу пьесу, Гога меня уволит из театра. Оказывается, это нужно было. Как люди друг друга делают счастливыми, несчастными, без участия кого бы то ни было сверху.

- «Осенний марафон» - это ведь все из твоей жизни.

Была у нас в школе толстая Лидка Чеснокова, жутко неграмотная. Я взял ее под руку в расчете на то, что она меня отпихнет. А она потащила меня в парадное, и там была моя первая любовь. Отвратительная... Потом Галя Волчек сказала: ты такой, на тебя любая посмотрит, и ты готов, потому что думаешь, что другая уж не посмотрит...

- Из моей. Я не мог понять, как можно сказать жене, что я люблю другую. Я не мог сказать, что у меня родился сын от другой женщины, когда он родился. У меня очень развито чувство жалости к женщине. И преклонения. У меня в стихах об этом: мои вины, мои стыды, мои грехи.

- Меня ошибочно любили злые женщины твои...

- Да, было... Когда мы еще учились в школе, девушки берегли девичью честь. А я любил на спор что-нибудь делать. Я компенсировал свое униженное состояние у родственников, где жил нахлебником-приживалой, - я рос без родителей. Я говорю: хотите, я сейчас возьму девчонку под руку? Мне говорят: да брось, Саш. Была у нас толстая Лидка Чеснокова, жутко неграмотная, по 22 ошибки в диктанте делала, почему-то эту цифру запомнил. Я взял ее под руку в расчете на то, что она отпихнет и все. А она потащила меня в парадное, и в этом парадном была моя первая любовь. Отвратительная. Не любил я ее. Но единственная, кого я мог тискать. В госпитале медсестра говорила: сладкого так и не знал, да? Не знал. Потом Галя Волчек сказала: ты такой, на тебя любая посмотрит, и ты готов, потому что думаешь, что другая уж не посмотрит...

- «Звонят, откройте дверь» тоже твоё выстраданное?

- Тоже, тоже. Помнишь, там Лена Проклова искала первого пионера и положила на алтарь своей любви Ролана Быкова, который и пионером-то не был? А теперь я тебе расскажу, как меня исключали из пионеров. Я учился в 6-м классе и в лагере над кроватью повесил снимок Качалова в роли Пер Бакста из пьесы Ибсена «У жизни в лапах». И вожатый, взрослый человек, спросил: а почему ты повесил какого-то в шляпе, а не Буденного или Во-

рошилова? Я говорю: это не в шляпе, это артист Качалов. И надо мной устроили суд. Выстроили всех в линейку, и старший пионервожатый сказал: ваш товарищ повесил у себя не Буденного и не Ворошилова, а какого-то артиста, он за искусство для искусства! А начальник базы, пожилой человек, кричал: мы таких расстреливали в 19-м году! И меня под барабанный бой заставили пройти сквозь строй и выгнали из пионеров.

- Вот где бесправие!

- Да, но я почему-то был горд, что страдал за Качалова, за искусство. Я к родственникам возвращаться боялся и две недели ночевал на чердаке с воришками...

- Что в прежней нашей истории было для тебя самым драматичным?

- Чехословакия, конечно... У меня есть стихи, как мы оккупировали Прибалтику. Я был в полку, который входил в Литву. Наш полк был поднят по тревоге. Мы совершили марш-бросок.

Куда ночные шли дороги - никто из нас и знать не мог. На место прибыли к рассвету. Рубеж заняли огневой. Как в праздничные дни, котлеты раздали с кухни полевой... Приказ открыть артиллерии по полку в одиннадцать ноль-ноль...

И только на другой день из газет мы узнали, что Эстония, Латвия и Литва добровольно влились в семью советских республик. Ведь это мы все делали. От нашего имени все. Я жил отдельно от государства, и все равно...

Виню своих я клеймил, ликуя. Теперь иная полоса. Себя виню, себя кляню я. Одна вина сменить другую спешит, дав третьей полчаса.

- Эти стихи вошли в твой двухтомник?

Евтушенко посвятил мне лучшее свое стихотворение: окно выходит в белые деревья... Я в ответ сказал: «Женя, ты же меня не знаешь, мы же мало знакомы». Он, очевидно, обиделся и посвятил другому, умершему уже поэту.

- Не хочу о нем говорить! Я валился вот на этой тахте, и приходит ко мне Рекемчук, который издал книжечку моих первых стихов. Он говорит: мы решили сделать ваш двухтомник. Я говорю: какой двухтомник, мне за все стыдно, все это прошлое, ушло, я жить-то не хочу, я потерял интерес всякий к рукописям. Говорю сестре жены: посмотри, там какая-то кипа валяется. Думаю, денег на двухтомник не найдут, а мне на все плевать. Он издал. И там было то, за что стыдно.

- Шкловский говорил мне, что, когда входил в трамвай и видел, кто-то читает его книгу, тут же выходил, настолько было непереносимо.

- Слушай! У меня первая книжка рассказов, и, когда я увидел, что девушка в трамвае ее читает, я хотел выскочить на ходу! А тогда двери еще не заперлись, и я выскочил! Мысль, что она как раз сейчас читает самое стыдное...

- Но ведь говорят: писателю должно открывать и стыдное, тогда он настоящий писатель.

- Знаешь, в стихах я об этом и написал. Мне по утрам просы-

паться страшно: ошибки, ошибки, провалы и кляксы на жизни...

- Тяжело с собой договориться?

- С собой я не могу договориться. Врагов моих теперь жалею... Теперь мой худший враг - я сам.

- Что бы с тобой было без волшебной способности все изложить?

- Я, наверное, перестал бы жить. Я об этом очень часто думаю. Я пишу очень быстро. Куда-то надо идти, и жена ждет, я в один рукав сунул руку, а другой рукой еще пишу сцену, еще успеть - пойдем, хватит, хватит, потом... Потом не могу. Когда я пишу, ни о чем не думаю. И смотрю, скажем, в «Назначении» диалоги, думаю: откуда? Или пьеса «Кастручка» - была страна такая больная. Там происходит переворот, мягкий, и она начинает болеть другой болезнью. Это то, что сейчас происходит, а написано когда!.. Олег Ефремов понес в Управление культуры, там прочитали: Олег Николаевич, вы нам этого не давали, мы этого не видели. А мы с Олегом друг другу сказали: если тебя посадят, я буду носить тебе передачи, если меня - ты мне...

- Ты отдаешь себе отчет, что тебе скоро 80?

- Стал отдавать. И поэтому хочется что-нибудь еще сделать.

- Друзья приходят?

- Иных уж нет... Друзья скрашивают мое существование. Есть, которые не были мне даже друзьями, но для которых я, оказывается, был. Как Евтушенко. Он вдруг посвятил мне лучшее свое стихотворение: окно выходит в белые деревья... Я в ответ сказал: «Женя, ты же меня не знаешь, мы же мало знакомы». Он, очевидно, обиделся и посвятил другому, умершему уже поэту.

Гердт - я не хотел, чтобы он играл «Фокусника», я хотел, чтоб Леонов играл. А Тодоровский, очень хороший режиссер, привез его в «Октябрьскую» гостиницу, и меня позвал, и мы говорили о том, о сем, и я сказал какую-то строчку Пастернака. Гердт сказал следующую, я - следующую, он - следующую, я другой стих начал, - он ко мне пошел, прихрамывая, и мы обнялись. И стали хором читать стих за стихом. Это было прекрасное. И он оказался таким мудрым! Мы поехали к студентам, и студенты начали меня спрашивать, что я хотел сказать своим «Фокусником». Я начал бормотать что-то невнятное. А Гердт говорит: это о том, как можно в несвободной стране остаться свободным человеком...

Самым близким был Булат. У нас жизни одинаково складывались, только у него высоко и мудро, а у меня по-дурацки.

- Что тебе сегодня приносит радость?

- Работа. Женщины, воспоминания о них. Много стихов про женщин. Иногда просто строчки. А женщины, самые, казалось бы, несовершенные, иногда говорят такие слова... И так смешно думают о нас - чтобы нам было лучше, чтобы нам было сладко - с последней из всех - как с первой из всех. И то и дело это им удается...

Девушки высокими ногами тайно говорят о моногамии. Всеми откровенными по-летнему-линия семнадцати-летнему, вырезом, открытой спиной мне напоминают об одной...



Бузыкин из «Осеннего марафона» - во многом сам Володин.